

1.18 О восприятии прошедшего и неизменного через предание, преподанное в образе

Мы не можем доподлинно знать того, что было здесь на земле, в нашей России – прежде нас... разве что отчасти домысливая, соотнося минувшее с нашей нынешней нечистотой, нечестием нашим, как мерой не соотносимой. Не сравненно прошедшее с нашей нынешней нечистью, дерзающей судить о святости Родины.

Возможно ли вообще помышлять вне Предания, переданного нам в образе, - о значимости истории своей, собственной, унаследованной от предков земли... о восприятии самих себя, как личностей, образов Божиих, укоренившихся в своём прошлом, имеющим основание в своём настоящем, обстоящем, имеющим перспективы жизни вечной, милостью Господней унаследованные нами... Можем ли говорить вне непрерывного образного чувствования, духовного согревания - о незыблемости нашего православия в самих себе, о том, что православие, как мирочувствование, как предстояние перед Богом, хождение пред Творцом как образ действия в нас - то же самое православие, что и в наших предках. То же самое, что прорастает в потомках наших... Что Бог наш - Тот же Бог Авраама, Тот же Христос., что наша вера - вера апостольская, что Церковь наша - единая, святая, соборная и апостольская... Что утвердит нас в этой преемственности, убедит, успокоит и вдохновит нас в этой убеждённости. Чернят нашу Родину, оскверняют нашу традицию, отторгают её от нас, от-торгают нас от неё, прерывая живую преемственность. Кто или что он, этот отторгающий нас, свободных волей, ... само-вольных. Кто он, отторгающий от нас Святую Русь. Грех, как отвращённое от Бога свое - волие... Враг, как личность, ангел невозвратно отворотивший себя от Бога. Ненависть - сковывает умы, оторопь - сковывает души, лень - одебеливает и поглощает тела. Яко трава дни... дух пройдет в них и не будет... и не познает места своего... человек. На пажити утраченного преемства осознаем ли себя. Увидим ли свою отпавшую тварность пред милостивым Творцом. И вот - образы милостью Божией - перед нами, словно бы всплески к пробуждению, к опаматованию, к оживотворению нашему.

Был ли зограф - живописец Феофан случайным творцом - одиночкой, составлявшим эти образы, изъяслявшим свою персональную живописную экзегезу, своё личное творческое оправдание Бога, в чертах своих икон. Предъявляет ли нам зограф раскрышь образов, как нечто понятное одному только ему. Не предадимся нечестию подобных суждений. Видится так, и допустим этому видению быть в себе: творчество Феофана было проявлено в органичном соответствии общественному духовному и эстетическому вкусу. Было по-нраву, - нравилось, было по душе людям, со-временникам, со-молитвенникам, со-беседникам мастера - принято, приятно, понятно, воспринимается, как естественное, близкое, родственное. Более того, допустим и примем для себя, что мастер никак не был неким уединённым творцом, замкнутым в себе в непостижимых глубинах своего искусства, - но глашатаем общего настроения умов, душ, сердец, - неким про-явителем единомыслия, единокорности, единого литургического сердца народа, предстоящего Богу, отнюдь не осреднённого обезличенного мнения многоликой толпы... Но глашатаем общего со-стояния, совместного пред-стояния Богу единокорности и единомыслия в едином теле Христа - церкви, сочленённой и многоликой в союзе Любви. Дудкой Божией, поющей свои образы посреде человеческого собора, молящегося едиными устами, - устами Христовыми. Действительно - воспевают образы пред Богом Феофан, воспевают своё Богословие, поэзию образотворчества - со-чиняет пред нами ухищрённой, изошрённой кистью. Есть ли в этом - понуждение к опаматованию в нашем непробудном - нынешнем, само-забвенном, сне, от забвения о родстве своём земном, Отечестве Небесном. Нынче уединённый человек, не понимающий, не вос-принимающий, но восторгающийся душевным откликом пред этими образами, может чувствовать личную трагичную от-чуждённую от них и глубокое коренное сродство. Либо даже некоторую болезненную стыдливость пред их откровенностью, - стыдливость, как проявление живой души, погрязающей и коснеющей в

непотребстве пред явленной чистотою. Не приятие образа – необъяснимо сосуществует с восторгом перед ним. Не приятие образа коренится в личной обременённости грехом, в навязывании к чуждому по природе. Восторг – во свидетельство нам о живости страждущей и огреховленной души – блудницы, жаждущей своего христианства. Что же восчувствуем теперь? Не восприимчивый, не доверчивый к Первообразу восторг, невосприимчивое к образу возбуждение души, не способность воспринять образ, как родственный и близкий себе лично. Не со-образность, обнаруживаемая перед образом – трагична и болезненна. Так можем ли приблизиться теперь к миро-чувствованию и мировоззрению мастера Феофана, людей окружавших его, духовно со-трудящихся, со-молящихся с его кистью. Быть может, это миро-чувствование мастера и собора молящихся, были неотрывны, слитны, ответственны друг-другу пред Богом. Про-изведение личного образотворчества не было гласом в пустыне вопиющим, но гласом, находящим отклики, живые отзвучивания среди людей, более того, живописанным про-явлением соборного образотворчества. Со-молитвенный Феофану собор людей со-творил образы вместе с мастером, со-молебствуя перед ними. Мастер – изъ-являл, рас-крывал плоды общего молитвенного со-участливого делания. Понимаем так про-изведённое Феофаном, – как творческое про-явление преизбыточного дара Господнего к живописному из-ображению. В кратких и скудных свидетельствах современников мы прочитываем о собеседовании творящего мастера Феофана с окружающими его людьми, о зело хитрых словах, неотрывных от живописующих творческих произведений кисти говорит свидетель и участник этих бесед, Премудрый Епифаний. Со-беседование, перерастающее или со-пряжённое, со-путствующее с образотворчеством. Молитвенное со-беседование творца с Творцом... со-беседование – как живая словесная связь художника с людьми, про-изводящегося образа и воспринимающего человека. Совместная литургия – как истоу образотворчества мастера. Теперь бы, в секулярном мире, могли назвать подобное как-либо уничижительно – популярным искусством, творчеством, близким к людям. Но можно ведь полагать, что эта близость способствовала и формировала, создавала естественную питательную среду к про-израстающему творческому про-изведению мастера, к про-изведению образа пред Богом и перед со-чувствующими, со-молящимися людьми. Изведённый, проявленный образ, из-ображение – отнюдь не следовало воле народа, но про-истекало от соборного молитвенного единомыслия, единогодушия, едиными усты – течёт молитва за литургией. От единой, соборной кисти – от огненного соборного языка – про-изводится образ. Можем ли мы теперь увидеть и понять его так. Скорее всего, что нет. Но возложим ко Господу свои упования на то, что образ – может – возвести нас к утраченному, может вернуть нам некую природную иссыхающую, но живую связь, некое естественное сопряжение с моим – лично моим - прошлым в лично - моём народе, отошедшем к вечности многие десятилетия и столетия тому...

Откроем ли чрез образ живописанный образ Божий в самих себе... Откроем ли чрез запечатление в живописанном образе своё прошлое, как неотрывно связанное с нами, живо со-существующее нам, живое пространство лично моей Руси. При-общим себя к ушедшему. При-внесём ушедшее, исполненное величия, сил, бодрости, надежды и веры – в своё личное настоящее. Окрылим взмахом ангельских крыл печальные обстоятельства наши, – к парению в предвечное, к сопричастности над-мирному существованию. Уже ли ближе ко Господу, ближе нас нынешних - существовали наши предки. Несомненно - ближе. И нынче близок Бог – мы от Него в стране далече. Надеемся на это и ощущаем так, встретив

образ, взглянув на него из теснин грустной нашей нечистоты. Надеемся, уповаем... и предстоим Богу перед образом Его, как перед окном в ускользящее и исчезающее грядущее, в раскрывающееся проявляющееся нам прошлое, в простирающееся над нами над-мирное, нисходящее к нам, про-никающее в нас, в обстоящее нас... бытие. Прикоснёмся же к образу не безнадёжно, не безцельно, но обретая в нём некое корневище, прорастающее в нашем пространстве, соединяющее живыми связями времена перед нами, позади нас и в самих нас – неотрывным единением во времени текучем. Корневище образа – распространяется вширь, вглубь, растёт во времени вспять и в даль, в пред – существующее, пред-ложенное нам и над-лежащее над нашим шествованием. Образ – вос-соединяет нас, вос-ставляет к вос-соединению с Богом. Так воспримем образ пре-возносящий нас к восприятию нашего пред-назначения и предания нашего.

Образ живописанный – зримое наше предание. Зрети, зрелый – сретити... не угадаем ли здесь корневой связи смыслов, произрастающих от единых корней. Встреча совершается в области осязаемого, видимого. Предание не относит нас к отвлечённому рассуждению о истории взаимного проникновения смыслов, не вовлекает в историю духоведения, - но становится благо-желательным со-трудником нашим, со-путником - поводом нашей слепоте – к деятельному со-участию к тому, что рас-крывает перед нами иконная роскрышь, к тому, что открывает перед нами открывающий Себя Бог, к тому, как проявляет себя Богоподобие человека в образотворчестве. Сумеет ли познать это. Сумеет ли принять, применить это познание к себе, как сущностный Божий дар, как естественную связь между ушедшим и грядущим, проходящим через наше понимание. Сумеет ли вос-ставить в себе личную сопричастность с образом, с Первообразом – через образ, быть может, привлечись к нему сперва восторженно – эстетически, благочестно прельстившись и любовно припадая к творческому вдохновенному про-изведению... Любуясь красотой и влюбляясь в красоту... Воспрянув, опамятавав от обжигающего, непонятного, невразумительного, не объяснимого вставшего чувства, возникшего пред образом, восставленным перед нами. Пред этими всплесками столпнических ладоней... пред этим размахом знаменующего нас жеста... пред этим взлётом объёмлющих нас Троических крыл... пред пронзительным взором несравненного ни с чем земным лика Пантократора. О-шеломляют эти из-ображения, в прямом смысле слова повергаются образы на нечестивые главы сокрушением хитиновых покровов ... Привлекают к себе наше ошеломление, наше обескураженное само-бытие... Быть может, это и есть воз-действие Бога, об-наруживающего-Ся перед нами в передаваемом нам предании. Наша участь, наша задача – возлюбив Его прежде всего – принять, усвоить себе передаваемое, передать потомкам – по-следователям своим, пронести и раскрыть Его внутри себя в возможной полноте. Не ограничимся эстетическим переживанием, не ограничим себя изысканием в культурных слоях. Восприимем образ, как предание живое, предание живо-писанное – именно для нас, непробудных, не оживающих, для нас, не вос-приимчивых – это передание от прошлых веков, от людей – образов Божиих, про-следовавших и ушедших в места покойны и зланы - прежде нас. Никак, никак не мертва эта нить, жива эта тропа. Умерщвлено - наше восприятие её, мы укоренены в терниях нашего неведения и не желания приникнуть благодарно... обездвижены в нашей без-ответственности, в нашей лени перед Преданием путеводным. Восприняв предание, как бесценный на-следственный наш дар... можно ли жить по-прежнему. Мог ли апостол, спустившийся от горы Фавор, несущий в себе новое знание, неведомый прежде личный опыт со-присутствия в свете со Христом –

жить по-прежнему. Мог. Мог и от-речься от Спасителя. И рыдать всю свою жизнь, последующую за отречением, и после восприятия огненного языка Пятидесятницы, – рыдать о свершённом некогда личном отречении, о падшести своей, - каждое утро своей личной жизни – рыдать горько, услышав петушинные клики на заре. Рыдать к Востоку о тёмном западе своей души. Сможем ли и мы остаться прежними, восприняв передаваемое. Как ни в чём не бывалые – далее коснетъ во грехе, не помышляя о высвобождении от его пут, не восстенав из пленения. Сможем ли превысить собою достоинство апостольского чина, востекая к чину ангельскому - к этому призывает нас раскрывающийся образ, - примем его бережно, не как чуждый нам, не актуальный, затхлый, от-влечённый столетиями от нас дар, ненужную, но красивую игрушку – безделицу, некое украшение из пра-бабушкиного сундука, которое ценно, как память, но никак не применимо к нынешнему нашему облачению. Изменилось ли облачение Христа, в которое мы - «облекостеся» во крещении нашем. Станем ли здесь и теперь упорно – примериваться ко времени, истекшему, - перекроим ли на «актуальный» пошиб Христову ризу... раздерём её вновь или променяем на что-либо иное... Да не отважимся, да не опустимся к этому. Воспримем духовные высоты, как неизменные для нас руководства к насущному действию. Не поколебался Христос, не изменился в существе Своём. Изменяемся мы, но неизменны высоты перед нами, неизменны вершины - над нами и просторы образа Божьего в нас... Как неизменен Бог - неизменен путь к Нему, узкий и торный, неложный и постепенный, чинный путь, хоженный нашими пред-шественниками на нём. Вместе с тем, следование по этому пути требует от нас истинно живого творческого влечения. Так и станем воспринимать над-лежащий нам образ, взывающий к нашему деятельному, творческому духовному со-образованию с ним. Воспринимаемый нами гадательно образ Бога, образ Христа, пре-подающего Себя нам, полагаем так, - был вполне открыт и буквально оче-виден мастеру – изографу, несомненному Бого-видцу Феофану. Образ творческой мысли Феофана, образ его чувствования, образ действия мастера – опосредованно живописью - передаётся и нам.

В окончание этого раздела вложим цитату нашего современника, Евгения Андреевича Авдеенко, его чеканную мировоззренческую формулу, прозрачную лаконичную мысль: «человек – есть образ, Богу уподобляющийся, а Бог готов принять на Себя этот образ». Встреча образов живого в человеке и образа произведённого, лбоаза запечатлённого в человеке – с про-изведением человеческих рук. И в этом смысле, живописанный образ статичен, не содержит в себе личности и собственной жизни. Живописанный образ предстаёт перед живым образом в человеке, перед образом развивающимся, имеющим Богоданное свойство уподобления, стремящийся к пре-подобию. Образ про-изведённый, живописанный встречается с образом живым, уподобляющимся. И пока это уподобление осуществляется человеком – человек жив. Обратное едва ли верно. Человек, живущий духовно, употребляет свою жизнь на уподобление Богу. Мы не можем влиять на образ живописанный никак. Не можем влиять и на Первообраз. Но можем возделывать личное уподобление пред Первообразом, узнаваемом через образ живописанный, узнаваемый, как отклик в самом себе. В этом – распознаем некое назначение живописанных образов, открывающих нам путь, ориентир нашему уподоблению. Если этот путь традиционен, как путь естественного предания, - откроем же его для себя. Уподобление Богу – естественное свойство, данное Богом человеку в творении, неотъемлемое свойство, подаренное Богом вместе со свободой воли,

«тайной свободой» - так её именовал наш Пушкин. Свобода к уподоблению или к от-вращению от Бога. Свобода стать произвольным рабом Богу в уподоблении Ему или рабом самому себе, своим страстям или силам внешним, от-вратившим себя от Бога. Есть ли уподобление наше – плод делания одних только наших рук... или плод со-трудничества с деланием Божьим? Мы склонны ощущать и видеть последнее. И если так, откровение Богом Себя через Свои образы – это путь Божественного снисходительного вспомоществования нашей немощи, некоего присутствия в нашем действенном уподоблении Ему, некое примеривание нас к должному нам, подавание примера нашему деланию, ориентирование на наш путь... на нашем беспутье, в рас-путной, не-путёвой жизни, - так бы выразиться точнее. Образ, как ориентир к направлению нашей личной деятельности, как ожидаемый исток Божественного вспомоществования на нашем пути, - дополним для себя этим смыслом восприятие нами образа в пред-расположенности перед ним.

На ветви – один – осиновый лист в пред-чувствии ветра.
Со-братья – уже – вошли в перегонной, безликий, густой.
Сусальный покров познал глинозём, став охрой простой.
Повапленный гроб усопшей земли извержен из лета.
К немym небесам пустоты ветвей напрасно воздеты.
Под моросью дней безвидна слеза тоски холостой.
И беден, и нищ – пред не-бытием и пред высотой, -
Воздушный мытарь исполнит закон, возвеяв клеветы.

До третьих небес – возносится лист, земле предназначен.
Коснувшись твердынь за-очных высот, навывлет пронзён
Нетварным лучом. Разбужен пурпур пре-светлым языком.
Нисходит на смерть, как вестник живой, восторгом охвачен,
На головы нам, в теснины сердец, - да про-изнесём, -
Восславим Христа, как солнечный лик на севере диком.